



## ВОСПОМИНАНІЯ ЮРЬЕВЦА

о бояхъ съ 19-го по 26-е февраля 1905 г. подъ Мукденомъ.

**П**ослѣ упорнаго, хотя и безрезультатнаго боя у д. Салинпу (17 и 18 февраля), Юрьевскій полкъ, наиболѣе пострадавшій изъ дивизіи, былъ отодвинутъ, какъ резервъ корпуса, въ д. Кудяза, гдѣ онъ могъ отдохнуть и привести въ извѣстность свои потери.

Эта небольшая деревенька была совершенно покинута китайцами и настолько разрушена, что въ ней оказались всего лишь двѣ фанзы, пригодныя для жилья: одна была полуразрушенная, имѣвшая помѣщеніе всего лишь для 6—8 человѣкъ, а другая, совершенно цѣлая, съ двумя большими комнатами, но уже занятая начальникомъ одного изъ вьючныхъ транспортовъ, ротмистромъ N и его дѣлопроизводителемъ; здѣсь же у нихъ помѣщалась и канцелярія.

Вотъ, подъ гостепріимнымъ кровомъ этой-то фанзы, благодаря любезности ея временнаго хозяина, главнымъ образомъ и размѣстились офицеры полка во главѣ съ командиромъ.

Несмотря на то, что полковая офицерская семья уже значительно уменьшилась послѣ пережитаго боя, здѣсь все-таки было довольно тѣсно.

Нижнихъ чиновъ размѣстили съ сѣверной стороны деревни, гдѣ они, обогрѣвшись у костровъ и получивъ горячую пищу, расположились въ палаткахъ.

Сумерки быстро сгущались и наступала холодная, темная ночь.

Большинство утомленныхъ людей уже спало и только немногіе еще продолжали тѣсниться у догоравшихъ костровъ.

Дежурный офицеръ, обойдя весь бивакъ и организовавъ мѣры его охраненія, возвратился въ фанзу и доложилъ командиру полка, что сюда-же пришла на ночлегъ и 25-я артилерійская бригада. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время къ намъ въ фанзу вошли офицеры бригады и обратились къ командиру съ просьбой принять и ихъ подъ эту единственную цѣлую крышу.

Конечно, объ отказѣ не было и рѣчи: потѣснились и эти двѣ семьи слились въ одну. Въ фанзѣ было тепло и она освѣщалась двумя стеариновыми свѣчами. Утоливъ голодь разогрѣтыми консервами, стали пить чай, предложенный любезнымъ ротмистромъ.

Наконецъ, стали размѣщаться на покой. Каны были предоставлены старшимъ офицерамъ, а молодежь, набросавъ чумизной соломы на земляной полъ, расположилась вповалку, снявъ лишь подушки и примѣнивъ ихъ вмѣсто подушекъ и одеялъ.

Скоро въ фанзѣ воцарилась тишина, изрѣдка лишь нарушаемая гудкомъ телефона, расположеннаго за перегородкой въ сѣняхъ.

Послѣ каждаго гудка, за перегородкой раздавался голосъ дежурнаго телефониста и онъ, со свѣчею въ рукахъ, входилъ къ намъ и будилъ полкового адъютанта, передавая ему какое-либо новое распоряженіе, полученное изъ штаба дивизіи.

На другой день проснулись всѣ рано подъ орудійный грохотъ, доносящійся съ позицій.

День прошелъ въ чисто канцелярской работѣ. Въ ротахъ выяснялись потери убитыми и ранеными и свѣдѣнія эти представлялись въ полковую канцелярію.

Люди продолжали отдыхать, но полкъ былъ въ полной готовности каждую минуту снова двинуться на передовыя позиціи.

Съ утра и до вечера продолжалась артилерійская канонада и съ околицы деревни Кудяза были видны разрывы неприятельскихъ снарядовъ, но мы находились внѣ сферы огня.

Въ такомъ относительно покое, полку пришлось пробыть недолго. Въ слѣдующую же ночь, т. е. съ 19-го на 20-е, было получено приказаніе двинуть наши два баталіона къ деревнѣ Юхуантунъ на участокъ, занимаемый другими полками 25-й пѣхотной дивизіи.

Туда были назначены командиромъ полка 1-й и 2-й баталіоны, а 3-й и 4-й по прежнему оставались въ д. Кудяза.

Наши баталіоны выступили на позицію въ 3 часа ночи. Прибывъ къ дер. Юхуантунъ, они поступили въ распоряженіе командира 99-го пѣх. Ивангородскаго полка и были расположены, какъ резервъ за его полкомъ, развернутымъ въ боевой порядокъ.

Съ наступленіемъ разсвѣта, японская артилерія открыла огонь по деревнѣ Юхуантунъ и двумъ редутамъ, расположеннымъ къ сѣверу и югу отъ нея. Наша артилерія стала отвѣчать и завязался бой, продолжавшійся до наступленія сумерокъ.

Въ теченіе всего этого дня наши 1-й и 2-й баталіоны, находясь въ резервѣ, хотя и не принимали активнаго участія въ бою, но все-таки несли значительныя потери отъ непріятельскаго артиллерійскаго огня.

По мѣрѣ наступленія темноты, орудійные выстрѣлы стали раздаваться все рѣже и рѣже; начала затихать и ружейная перестрѣлка. А когда темнота совершенно окутала боевыя позиціи и все умолкло, людямъ нашего полка была подвезена въ походныхъ кухняхъ горячая пища. Какъ только они успѣли утолить голодь, было получено приказаніе одному изъ нашихъ баталіоновъ передвинуться въ первую боевую линію и смѣнить роты N. пѣх. полка, занимающія отдѣльныя фанзы и редутъ южнѣе дер. Юхуантунъ. Выполненіе этой задачи выпало на долю 1-го баталіона, который, подъ командою подполковника Кучука, передвинулся на указанный участокъ, гдѣ роты распредѣлились такъ: 1-я и 2-я заняли редутъ, а 3-я и 4-я отдѣльныя фанзы.

По занятіи этихъ пунктовъ и ознакомленіи съ мѣрами ихъ обороны, немедленно были высланы впередъ сторожевыя посты и секреты и, несмотря на имѣющійся полный комплектъ патроновъ, сдѣлано распоряженіе объ ихъ подвозѣ.

Наступила ночь.

Въ это время 3-й и 4-й баталіоны тоже получили приказаніе выступъ изъ д. Кудяза къ д. Юхуантунъ, куда и направились съ бивака въ 4 часа ночи съ 20-го на 21-е февраля.

Прибывъ сюда, эти баталіоны, какъ назначенные въ резервъ къ

отряду, занимающему деревню Юхуантунь и редуты, были расположены за отдѣльными фанзами у южной стороны деревни. Люди въ разомкнутыхъ шеренгахъ были положены на совершенно открытомъ гаоляновомъ полѣ.

Второй баталіонъ по прежнему оставался въ районѣ расположенія 99-го пѣх. Ивангородскаго полка.

Съ ранняго утра, 21-го февраля, по всему фронту, занимаемому полками 25-ой пѣх. дивизіи, началась перестрѣлка.

Задача, возложенная на нашу дивизію состояла въ упорномъ удерживаніи занимаемыхъ позицій. Болѣе же активныя дѣйствія возлагались на отряды генераловъ Гернгросса и Церпицкаго, бывшихъ правѣе и лѣвѣе насъ.

Несмотря на сильное развитіе непріятельскаго огня, какъ артилерійскаго, такъ и ружейнаго, съ утра полкъ несъ незначительныя потери. Въ это время японцы сосредоточивали свой артилерійскій огонь главнымъ образомъ на д. Юхуантунь, но послѣ полудня, когда они перенесли его на отдѣльныя фанзы, редутъ и нашъ резервъ (3-й и 4-й бат.), у насъ начались большія потери. Среди ротъ нашего полка, то и дѣло, отъ разрыва шимозъ, подымались высокіе столбы чернаго дыма, перемѣшаннаго съ желтою маньчжурскою пылью, а надъ ними рвались шрапнели, осыпая ихъ дождемъ осколковъ. Люди десятками выбывали изъ строя; начались потери и среди офицеровъ.

Въ это время, на нашемъ лѣвомъ флангѣ обозначилось групповое выдѣленіе людей изъ резерва, относящихся раненыхъ. Во избѣжаніе того, чтобы подъ предлогомъ относа раненыхъ, изъ строя не выходили лишніе люди и чтобы болѣе правильно организовать это дѣло, командиръ полка, полковникъ Адарида, находившійся до сего времени въ небольшомъ окопѣ, въ центрѣ расположенія полка, желая лично сдѣлать распоряженіе относительно выноса раненыхъ, вышелъ изъ окопа и въ сопровожденіи адъютанта направился къ лѣвому флангу.

Въ это время около нихъ взорвалась упавшая шимоза и, обдавъ ихъ землей, окутала своимъ чернымъ дымомъ. Когда послѣдній разсѣялся, они лежали безъ чувствъ. Командира въ безчувственномъ же состояніи отнесли на перевязочный пунктъ, а полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Филоновъ, былъ приведенъ въ чувство здѣсь же. Но послѣ того, какъ имъ было послано донесеніе начальнику дивизіи о выбитіи изъ строя командира полка, онъ также по настоянію врача, былъ отправленъ на перевязочный пунктъ.

Я, вступивъ въ исправленіе должности полкового адъютанта, донесъ начальнику дивизіи, что подполковникъ Кучукъ, являющійся старшимъ изъ штабъ-офицеровъ полка, въ настоящее время находится при 1-й и 2-й ротахъ въ редутѣ, изолированномъ отъ другихъ частей полка. и потому, о вступленіи въ командованіе полкомъ сейчасъ увѣдомленъ быть не можетъ.

Спустя нѣсколько минутъ, на это донесеніе отъ начальника дивизіи, ген.-лейт. Пневскаго, было получено приказаніе: впредъ, пока подполковникъ Кучукъ будетъ въ состояніи принять полкъ, вступить въ командованіе полкомъ командиру 3-го баталіона, подполковнику Дейнеру, которому и было передано мною это приказаніе.

Упорный бой съ прежнею силой продолжался до наступленія сумерокъ и всѣ попытки японцевъ атаковать боевой участокъ, занимаемый полками нашей дивизіи, остались тщетными.

Наступившія сумерки быстро сгущались. Стрѣльба умолкала. Мы удержали занимаемую позицію и слѣдовательно, возложенная на насъ задача была выполнена.

Вечеромъ въ командованіе полкомъ вступилъ подполковникъ Кучукъ.

Доложивъ начальнику дивизіи относительно потерь, понесенныхъ полкомъ за истекшій день, подполковникъ Кучукъ получилъ надлежація приказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе, что въ наступающую ночь японцы могутъ попытаться произвести атаку нашихъ позицій.

Къ этому времени къ 3-му и 4-му баталіонамъ былъ подтянуть и 2-й баталіонъ. Роты же 1-го баталіона по прежнему занимали редутъ и отдѣльныя фанзы.

Согласно полученныхъ указаній въ расположеніи полка были произведены слѣдующія измѣненія: роты 3-го и 4-го баталіоновъ, кромѣ 15-й роты, а также 6-я и 8-я роты были расположены въ интервалѣ между редутомъ и отдѣльными фанзами, нѣсколько позади, а 5-я и 7-я роты и также полурота 15-й роты, бывшая при знамени (другая полурота находилась въ прикрытіи къ обозу), какъ резервъ подъ командой капитана Даниленко, находились позади вышеозначенныхъ, уступомъ справа (Черт. № 1-й).

Интервалъ-же между отдѣльными фанзами и д. Юхуантунъ, какъ оказалось впоследствии, почему то никѣмъ занятъ не былъ.

Впереди нашего расположенія находились высланные секреты.

отряду, занимающему деревню Юхуантунъ и редуты, были расположены за отдѣльными фанзами у южной стороны деревни. Люди въ разомкнутыхъ шеренгахъ были положены на совершенно открытомъ гаоляновомъ полѣ.

Второй баталіонъ по прежнему оставался въ районѣ расположенія 99-го пѣх. Ивангородскаго полка.

Съ ранняго утра, 21-го февраля, по всему фронту, занимаемому полками 25-ой пѣх. дивизіи, началась перестрѣлка.

Задача, возложенная на нашу дивизію состояла въ упорномъ удерживаніи занимаемыхъ позицій. Болѣе же активныя дѣйствія возлагались на отряды генераловъ Гернгросса и Церницкаго, бывшихъ правѣе и лѣвѣе насъ.

Несмотря на сильное развитіе непріятельскаго огня, какъ артилерійскаго, такъ и ружейнаго, съ утра полкъ несъ незначительныя потери. Въ это время японцы сосредоточивали свой артилерійскій огонь главнымъ образомъ на д. Юхуантунъ, но послѣ полудня, когда они перенесли его на отдѣльныя фанзы, редутъ и нашъ резервъ (3-й и 4-й бат.), у насъ начались большія потери. Среди ротъ нашего полка, то и дѣло, отъ разрыва шимозъ, подымались высокіе столбы чернаго дыма, перемѣшаннаго съ желтою маньчжурскою пылью, а надъ ними рвались шрапнели, осыпая ихъ дождемъ осколковъ. Люди десятками выбывали изъ строя; начались потери и среди офицеровъ.

Въ это время, на нашемъ лѣвомъ флангѣ обозначилось групповое выдѣленіе людей изъ резерва, относящихся раненыхъ. Во избѣжаніе того, чтобы подъ предлогомъ относа раненыхъ, изъ строя не выходили лишніе люди и чтобы болѣе правильно организовать это дѣло, командиръ полка, полковникъ Адариди, находившійся до сего времени въ небольшомъ окопѣ, въ центрѣ расположенія полка, желая лично сдѣлать распоряженіе относительно выноса раненыхъ, вышелъ изъ окопа и въ сопровожденіи адъютанта направился къ лѣвому флангу.

Въ это время около нихъ взорвалась упавшая шимоза и, обдавъ ихъ землей, окутала своимъ чернымъ дымомъ. Когда послѣдній разсѣялся, они лежали безъ чувствъ. Командира въ безчувственномъ же состояніи отнесли на перевязочный пунктъ, а полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Филоновъ, былъ приведенъ въ чувство здѣсь же. Но послѣ того, какъ имъ было послано донесеніе начальнику дивизіи о выбитіи изъ строя командира полка, онъ также по настоянію врача, былъ отправленъ на перевязочный пунктъ.

Я, вступивъ въ исправленіе должности полкового адъютанта, дошелъ начальнику дивизіи, что подполковникъ Кучукъ, являющійся старшимъ изъ штабъ-офицеровъ полка, въ настоящее время находится при 1-й и 2-й ротахъ въ редутѣ, изолированномъ отъ другихъ частей полка. и потому, о вступленіи въ командованіе полкомъ сейчасъ увѣдомленъ быть не можетъ.

Спустя нѣсколько минутъ, на это донесеніе отъ начальника дивизіи, ген.-лейт. Пневскаго, было получено приказаніе: впрѣдъ, пока подполковникъ Кучукъ будетъ въ состояніи принять полкъ, вступить въ командованіе полкомъ командиру 3-го баталіона, подполковнику Дейнеру, которому и было передано мною это приказаніе.

Упорный бой съ прежнею силой продолжался до наступленія сумерокъ и всѣ попытки японцевъ атаковать боевой участокъ, занимаемый полками нашей дивизіи, остались тщетными.

Наступившія сумерки быстро сгустились. Стрѣльба умолкала. Мы удержали занимаемую позицію и слѣдовательно, возложенная на насъ задача была выполнена.

Вечеромъ въ командованіе полкомъ вступилъ подполковникъ Кучукъ.

Доложивъ начальнику дивизіи относительно потерь, понесенныхъ полкомъ за истекшій день, подполковникъ Кучукъ получилъ надлежащія приказанія и вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе, что въ наступающую ночь японцы могутъ попытаться произвести атаку нашихъ позицій.

Къ этому времени къ 3-му и 4-му баталіонамъ былъ подтянутъ и 2-й баталіонъ. Роты же 1-го баталіона по прежнему занимали редутъ и отдѣльныя фанзы.

Согласно полученныхъ указаній въ расположеніи полка были произведены слѣдующія измѣненія: роты 3-го и 4-го баталіоновъ, кромѣ 15-й роты, а также 6-я и 8-я роты были расположены въ интервалѣ между редутомъ и отдѣльными фанзами, нѣсколько позади, а 5-я и 7-я роты и также полурота 15-й роты, бывшая при знамени (другая полурота находилась въ прикрытіи къ обозу), какъ резервъ подъ командой капитана Даниленко, находились позади вышеозначенныхъ, уступомъ справа (Черт. № 1-й).

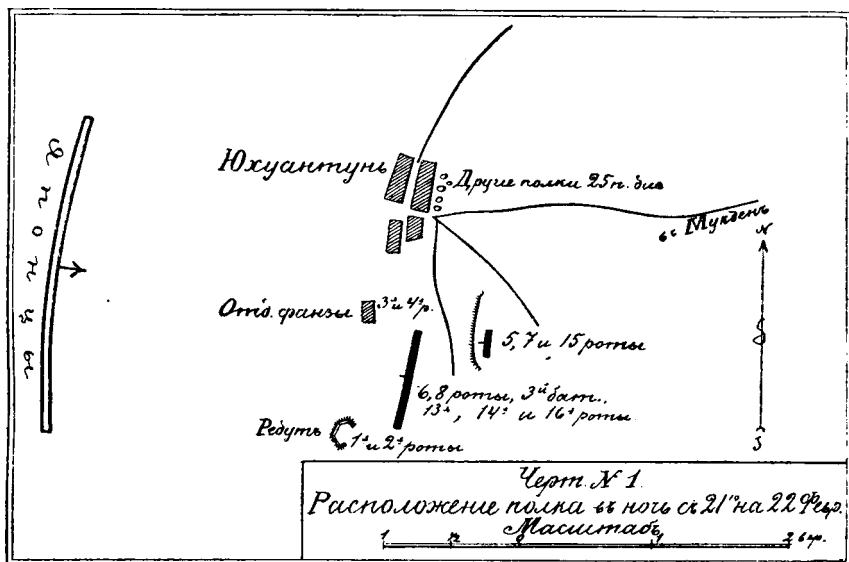
Интервалъ-же между отдѣльными фанзами и д. Юхуантунъ, какъ оказалось внослѣдствіи, почему то никѣмъ занятъ не былъ.

Впереди нашего расположенія находились высланные секретры.

Въ 11 час. вечера намъ подвезли горячую пищу, благодаря чему офицеры и нижніе чины утолили голодъ, а главное обогрѣлись.

Всю эту ночь мы были въ ожиданіи всякую минуту встрѣтить непріятельскую атаку. Ночь была холодная и темная. О кострахъ не могло быть и рѣчи.

Люди отъ холода ближе жались другъ къ другу. Было тихо. Кое-гдѣ, лишь изрѣдка, слышался прерывистый разговоръ въ полголоса. Офицеры смежныхъ ротъ, группируясь по 3—4 человекъ, курили.



Ночь тянулась томительно долго. Чѣмъ ближе къ разсвѣту, тѣмъ становилось все холоднѣе и холоднѣе. Потянуль легкій, но пронизывающій вѣтеръ.

Вдругъ, часа въ 4 ночи, грянулъ короткій ружейный залпъ.

За первымъ залпомъ раздались второй, третій... Это открыли огонь изъ отдѣльныхъ фанзъ наши 3-я и 4-я роты послѣ того, какъ секреты имъ дали знать, что японцы начали наступленіе. Черезъ 3—4 минуты этимъ залпамъ стали вторить съ редута 1-я и 2-я роты.

Командующій полкомъ приказалъ поставить роты въ развернутомъ строю съ тѣмъ, чтобы тоже открыть залповый огонь по впереди лежащей площади, какъ только отойдутъ назадъ секреты, и встрѣтить врага контръ-атакой.



Между тѣмъ, залпы съ редута и отдѣльныхъ фанзъ не прекращались, а какъ только наши секреты влились въ свои роты, открыли огонь и мы. Еще нѣсколько минутъ и вокругъ насъ завизжали японскія пули. Завязался ужасный ночной бой, ужасный въ томъ отношеніи, что все дѣлалось на угадъ.

Сила ружейнаго огня была доведена до крайнихъ предѣловъ, но каковъ былъ его результатъ, объ этомъ могъ судить только нашъ врагъ.

Мы-же знали, что ихъ огонь въ это время наносилъ намъ пока самый ничтожный ущербъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ начная мгла начинала по немногу разсѣиваться, потери отъ непріятельскаго огня стали сильно возрастать.

Наконецъ, среди гула оглушительныхъ залповъ, вдали послышалось: «банзай» и въ отвѣтъ грянуло: ура! Это произошла атака отдѣльныхъ фанзъ.

Но вотъ, и передъ нами въ темнотѣ обрисовались полосы; мы дали еще нѣсколько залповъ и бросились на встрѣчу непріятелю въ штыки.

Прошло нѣсколько безотчетныхъ секундъ. Снова раздалось: ура. Въ униссонъ ему прозвучало: «банзай» и завязалась штыковая схватка.

Подъ нашимъ напоромъ японцы уже понятились назадъ, но въ это время часть ихъ, прорвавшаяся между отдѣльными фанзами и д. Юхуантунъ, заняла положеніе, угрожающее нашему правому флангу.

Тогда подполковникъ Кучукъ, во избѣжаніе фланговой атаки со стороны японцевъ, приказалъ ротамъ постепенно отходить. Такимъ образомъ, жалкіе остатки 3-й и 4-й ротъ, 2-й и 3-й батальоны, а также 15-я и 16-я роты отодвинулись на нѣсколько сотъ шаговъ назадъ.

Что-же касается 1-й и 2-й ротъ, то они, отбивъ всѣ попытки японцевъ атаковать ихъ редутъ, нанесли своимъ огнемъ противнику громадный уронъ и удержали за собой редутъ. А 13-я и 14-я роты, зарвавшись во время атаки далеко впередъ, за убылью офицеровъ подъ командой фельдфебелей, отступили къ редуту и вошли въ составъ его гарнизона.

Во время этого скоротечнаго, но сильнаго боя, полкъ понесъ громадную убыль, какъ въ офицерахъ, такъ и нижнихъ чинахъ.

Ряды ротъ сильно порѣдѣли и большинство ихъ осталось безъ офицеровъ.

Японцы-же, продвигаясь впередъ, заняли отдѣльныя фанзы, а также участки лѣвѣе и правѣе ихъ, причемъ правымъ своимъ флангомъ врѣзались такъ, что редутъ по отношенію къ другимъ ротамъ полка былъ совершенно изолированъ.

Между тѣмъ, разсвѣло... Началась артилерійская дуэль, застрекали пулеметы и снова полился металлическій дождь.

Отступившія роты оправились и подъ губительнымъ огнемъ японцевъ продвинулись впередъ шаговъ на 300, но ихъ ряды съ каждой минутой таяли все болѣе и болѣе. Возрастала и потеря офицеровъ. Одна рота за другою переходили подъ команду фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ.

Поддержка на этомъ участкѣ была необходима. Положеніе сдѣлалось настолько критическимъ, что по личному приказанію начальника дивизіи, знамя было отнесено далѣе въ тылъ при небольшой охранѣ, а послѣдняя полурота резерва, бывшая въ прикрытіи къ знамени, была влита въ порѣдѣвшія цѣпи.

Но это было каплей въ бушующемъ морѣ и Богъ знаетъ, чѣмъ-бы разразился этотъ трагическій моментъ для полка, если-бы не подошли подкрѣпленія отъ другихъ частей.

Съ появленіемъ новыхъ силъ картина боя совершенно измѣнилась.

Люди нашего полка, по своей малочисленности, неимѣвшие возможности подавить ураганный огонь противника, теперь при помощи подослѣвшихъ товарищей, отвѣчали противнику не менѣе сильнымъ огнемъ, а наша артилерія, сосредоточивъ огонь на отдѣльныхъ фанзахъ, подготовила атаку и дала намъ возможность оттѣснить японцевъ и занять свои прежнія мѣста.

Это было около 3-хъ часовъ дня.

Къ этому времени и д. Юхуантунь, дважды переходившая изъ рукъ въ руки и остававшаяся нѣкоторое время за японцами, была также взята другими полками дивизіи при поддержкѣ 22-го Вост.-Сиб. стр. полка.

До наступленія сумерокъ японская артилерія продолжала обстрѣливать позиціи, покинутыя ихъ пѣхотой; при этомъ ихъ шимозы рвались, главнымъ образомъ, на линіи д. Юхуантунь и редутовъ.

1-я и 2-я роты нашего полка съ влившимся въ нихъ 13-й и 14-й рот. удержали южный редутъ до возобновленія нашего пер-

воначального расположенія, отбивъ всѣ японскія атаки, нанеся имъ громадный уронъ и имѣя сравнительно очень небольшія потери.

Съ наступленіемъ темноты, бой прекратился и нашъ полкъ, какъ понесшій наиболѣе сильныя потери, сравнительно съ другими полками дивизіи, былъ смѣненъ и оттянуть въ глубокой резервъ, гдѣ и провелъ ночь.

Переутомленіе людей было настолько сильно, что многіе изъ нихъ, даже отказываясь отъ горячей пищи, ложились на землю и засыпали, несмотря на то, что ночь была довольно холодная.

На разсвѣтъ 23-го февраля изъ остатковъ полка, за исключеніемъ 1-й, 2-й, 13-й и 14-й ротъ, были сформированы двѣ роты по военному составу, которыя и двинуты на артилерійскую позицію для прикрытія двухъ батарей, гдѣ и пробыли до вечера.

Команды-же санитаровъ, увеличенныя людьми изъ ротъ, въ продолженіе всего этого дня выносили изъ дер. Юхуантунъ и ближайшихъ къ ней участковъ убитыхъ и раненыхъ.

Благодаря тому, что японцамъ, несмотря на всѣ ихъ старанія, не удалось разыскать наши артилерійскія позиціи, въ теченіе этого дня какъ въ батареяхъ, такъ и въ прикрытіи потерь не было.

Съ наступленіемъ темноты, батареи съ позиціи сняли, а роты, прикрывавшія ихъ, оттянули къ мѣсторасположенію 1-й, 2-й, 13-й и 14-й ротъ.

Изъ всѣхъ оставшихся нижнихъ чиновъ полка подполковникъ Кучукъ сформировалъ 8 ротъ, и полкъ такимъ образомъ сдѣлался двухбаталіоннаго состава. При этомъ роты имѣли всего лишь отъ 56 до 63 рядовъ.

Первымъ баталіономъ былъ назначенъ командовать капитанъ Подгурскій, а вторымъ капитанъ Молчановъ. Шестью ротами и охотниками командовали офицеры, а двумя ротами, фельдфебеля.

Въ такомъ составѣ полкъ весь день 24-го февраля находился въ общемъ резервѣ.

Въ этотъ день съ ранняго утра загрохотали орудія и опять завязался бой. Обстановка этого боя была еще болѣе тяжелая, чѣмъ предшествующихъ. При всей силѣ непріятельскаго огня, въ этотъ день высокіе столбы песку и пыли, подымаемые сильными порывами вѣтра, носились по гаоляновымъ полямъ.

Пыль засыпала глаза, набивалась въ уши и носъ; песокъ хрустѣлъ на зубахъ.

Мы лежали на открытомъ гаоляновомъ полѣ и, благодаря тому, что не принимали активнаго участія въ бою, день тянулся томительно долго.

Вечеромъ мы получили приказаніе продвинуться впередъ и такимъ образомъ, изъ общаго резерва перешли въ частный, ставъ лѣвѣе 3-го баталіона 97-го пѣхотнаго Лифляндскаго полка, который занималъ стрѣлковыя окопы, расположенныя по обѣ стороны дороги, идущей отъ деревни Юхуантупъ къ Мукдену.

Для нашего расположенія свободныхъ окоповъ не хватило. Оставшимися же, незанятыми лифляндцами, могли воспользоваться лишь наши двѣ правофланговыя роты, а остальнымъ приходилось располагаться на совершенно открытомъ полѣ. Такъ какъ вся ночь была еще впереди, то было рѣшено, по мѣрѣ возможности, окопаться и, подъ прикрытіемъ ночной темноты, люди приступили къ работамъ.

Несмотря на то, что насъ окружали тысячи живыхъ существъ и что всѣ бодрствовали, кругомъ на позиціяхъ царила мертвая тишина.

Мы сидѣли въ окопѣ и никакъ не предполагали, что это послѣдняя ночь, которая проводится нами вблизи стѣны Мукдена, и что завтра онъ уже будетъ въ рукахъ врага.

Но, оказывается, участь его въ это время была уже рѣшена, только вѣсть о ней не успѣла еще сдѣлаться общимъ достояніемъ всѣхъ находившихся на передовыхъ позиціяхъ.

Часу въ четвертомъ ночи къ нашимъ окопамъ подѣхалъ офицеръ-ординарецъ, присланный начальникомъ дивизіи съ приказаніемъ, чтобы всѣ командиры отдѣльныхъ частей немедленно прибыли къ нему. Подполковникъ Кучукъ поѣхалъ. Я сопровождалъ его.

Проѣхавъ около версты, мы увидѣли небольшую группу людей, которые при свѣтѣ маленькаго фонарика разсматривали карту. Здѣсь были всѣ чины штаба дивизіи, командиръ 25-й артил. бригады ген.-майоръ Потоцкій, а черезъ нѣсколько минутъ сюда съѣхались и всѣ командиры полковъ и батарей. Когда всѣ собрались, ген.-лейт. Пневскій объявилъ, что получено приказаніе сниматься съ позицій и отступать на Телинъ.

Это было слишкомъ неожиданно и потому подѣйствовало какъ то ошеломляюще.

Затѣмъ начальникъ дивизіи сдѣлалъ распоряженія относительно предстоящаго отступленія, по которымъ нашъ полкъ входилъ въ колонну главныхъ силъ и долженъ былъ слѣдовать непосредственно за однимъ изъ баталіоновъ 99-го пѣх. Ивангородскаго полка. Получивъ всѣ надлежащія указанія, мы поѣхали на позицію.

Въ это время надъ Мукденомъ стало разрастаться все болѣе и болѣе зловѣщее зарево — предвѣстникъ начинающагося отступленія. Я получилъ приказаніе отъ подполковника Кучука ѣхать впередъ и собрать къ опредѣленному пункту гг. офицеровъ полка.

Прибывъ на позицію, командующій полкомъ объявилъ объ отступленіи и предупредилъ, что во избѣжаніе нежелательной суеты не объявлять нижнимъ чинамъ объ этомъ, а снимать роты и стягивать ихъ на дорогу, какъ бы для какого либо частнаго передвиженія. Итакъ, къ разсвѣту мы уже вытянулись въ колонну, отходили по направленію къ Мукдену, оставивъ позади себя тѣ позиціи, на которыхъ въ теченіи восьми дней пролили такъ много крови. Сердце болѣзненно сжималось. Хотѣлось съ кѣмъ нибудь подѣлиться своими мыслями, но всѣ молчали и какъ то странно было нарушить это общее молчаніе.

Начало свѣтать... Вотъ, гдѣ то вдали грянулъ отдѣльный орудійный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и началась ожесточенная канонада. Видимо, завязался арьергардный бой. Мы были внѣ сферы непріятельскаго огня и медленно подвигались къ Мукдену.

Согласно даннаго намъ маршрута, наша колонна должна была обогнуть Мукденъ съ западной стороны и, выйдя къ желѣзной дорогѣ, слѣдовать вдоль нея на Телинъ.

Совершая это движеніе въ колоннѣ главныхъ силъ, казалось, что наша роль въ мукденской драмѣ уже окончена, но въ дѣйствительности вышло не такъ.

Часовъ въ 8 утра, когда мы приблизились къ Мукдену, насъ встрѣтилъ командующій 2-ю арміей, генералъ Каулбарсъ, который и отдалъ личное приказаніе подполковнику Кучуку присоединить къ одному баталіону нашего полка баталіонъ 97-го Лифляндскаго п., принявъ ихъ подъ свою команду, двинуться на фланговую пози-

цію въ помощь частямъ, прикрывающимъ общее отступление. Отъ нашего полка подполковникъ Кучукъ назначилъ 1-й баталіонъ; къ нему былъ присоединенъ 3-й баталіонъ лифляндцевъ и мы въ сопровожденіи шт.-кап. N, прикомандированнаго къ генеральному штабу, двинулись для выполненія возложенной задачи. Дѣло представляло трудное.

При нашемъ 1-мъ баталіонѣ находились слѣдующіе офицеры: подполковникъ Кучукъ, капитаны Подгурскій и Олешкевичъ, шт.-кап. Поплавскій и поручикъ Обухъ. Баталіонъ лифляндцевъ былъ подъ командою капит. Карловича. Отдѣлившись отъ колонны главныхъ силъ, мы направились на сѣв. западъ и въ десятомъ часу дня прибыли къ мѣсту своего назначенія. Это былъ императорскій паркъ. Здѣсь шелъ бой въ полномъ разгарѣ: гремѣли орудія, свистѣли сотни пуль, десятки раненыхъ, имѣвшихъ силы передвигаться, медленно отходили отъ парка: ихъ обгоняли санитары съ носилками, на которыхъ лежали окровавленные люди.

Изрѣдка доносился стонъ, заглушаемый ружейной перестрѣлкой, то доходящей до высшаго напряженія, то нѣсколько ослабѣвающей и мѣстами переходящей въ залповый огонь.

На этомъ участкѣ, въ теченіе прошедшей ночи, было отбито нѣсколько непріятельскихъ атакъ. Японцы напрягали здѣсь всѣ усилія, стараясь прорваться съ цѣлью отрѣзать намъ пути отступления.

На опушкѣ парка въ небольшой полуразрушенной фанзѣ помѣщался штабъ генерала фонъ-деръ Лауница, которому были подчинены части войскъ, прикрывающія общее отступление.

Прибывъ къ императорскому парку, подполк. Кучукъ явился генералу фонъ-деръ Лауницу и получилъ приказаніе поставить свои баталіоны въ частный резервъ, параллельно дорогѣ, по восточной опушкѣ рощи. Рота же шт.-как. Поплавскаго была выслана оцѣпить небольшую кумирню, въ которой засѣли японскіе стрѣлки. Здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ шла усиленная перестрѣлка, но попытокъ атаковать этотъ участокъ со стороны японцевъ больше не было. За это время потерь въ нашемъ полку среди офицеровъ не было, а среди нижнихъ чиновъ были самыя незначительныя (17 человекъ).

Но вотъ, приблизительно часовъ около 3-хъ по полудни, мы получили приказаніе отступать. Это былъ признакъ, что колонны нашихъ главныхъ силъ уже отошли отъ Мукдена.

Будучи лицомъ къ лицу съ непріателемъ, отступление являлось задачей не легкой.

Выдѣливъ арьергардъ, въ составъ котораго вошла и рота нашего полка подъ командой штабсъ-капитана Поплавскаго, части начали сниматься съ позицій и отступать подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ противника.

Нашъ двухбаталіонный полкъ отступалъ на д. Саканцзы и затѣмъ, съвернѣе д. Вазые, долженъ былъ выйти къ желѣзной дорогѣ, чтобы вдоль нея направиться на Телинь.

Когда мы подходили къ желѣзной дорогѣ, то оказалось, что ея насыпь была уже занята японской пѣхотой, а продвинувшись еще нѣсколько впередъ замѣтили, что лѣвѣе насъ, перпендикулярно желѣзной дорогѣ, расположена и другая непріятельская цѣпь. Итакъ, мы отрѣзаны. (Черт. № 2).

При такой обстановкѣ двухъ миѣній быть не могло. Рѣшили прорваться и, развернувшись въ боевой порядокъ, открыли огонь по непріятелю.

Лѣвѣе насъ разворачивались въ боевой порядокъ какія-то другія отступавшія части; среди нихъ были и стрѣлки.

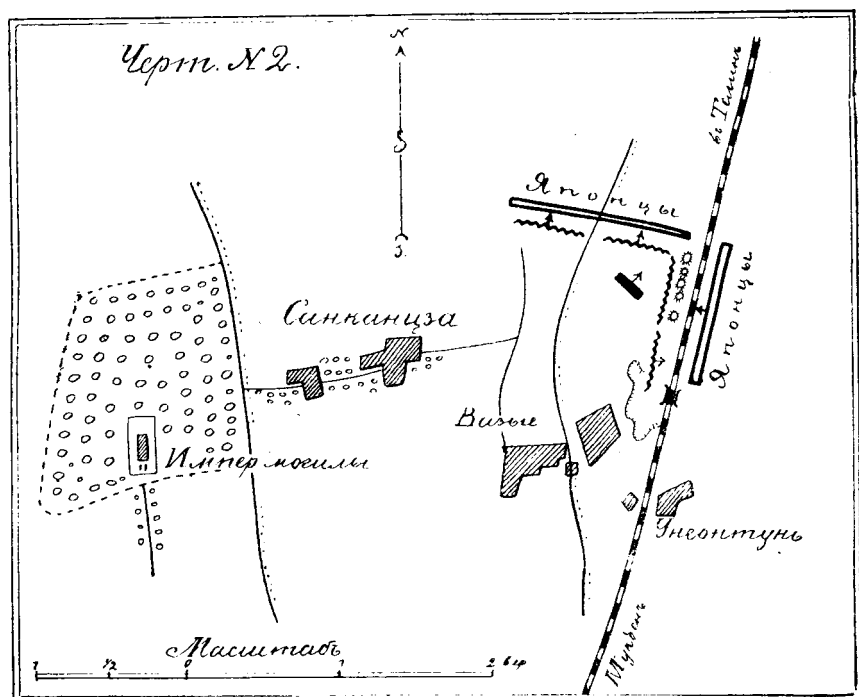
Подполковникъ Кучукъ отдалъ приказаніе атаковать желѣзнодорожную насыпь. Части, расположенныя лѣвѣе насъ, повели атаку на цѣпь, перпендикулярную желѣзной дорогѣ, а резервы направили главнымъ образомъ въ уголь, составляемый желѣзнодорожною насыпью и перпендикулярною къ ней цѣпью, рассчитывая на то, что когда по двумъ фронтамъ завяжется штыковая схватка, то эти части прорвутъ этотъ уголь.

Мы повели наступленіе. Вся трудность обстановки начинающагося боя была вполнѣ сознаваема всѣми нижними чинами. Они подъ градомъ японскихъ пуль двигались впередъ въ образцовомъ порядкѣ.

Нашъ правый флангъ, благодаря громадныхъ размѣровъ глубокой рытвинѣ, скрывавшей людей отъ непріятельскаго огня, могъ подойти къ желѣзнодорожной насыпи болѣе безнаказанно и затѣмъ продвинуться къ сѣверу. Лѣвый же флангъ несъ страшныя потери.

Въ самомъ началѣ наступленія изъ строя выбыли ранеными капитаны Подгурскій и Олешкевичъ. И такъ, насъ оставалось всего лишь три офицера, считая и командующаго полкомъ.

Въ то время, когда я велъ въ атаку на желѣзнодорожную насыпь роту, составъ которой былъ смѣшанный, побѣждавшій ко мнѣ унтеръ-офицеръ доложилъ, что командующій полкомъ тоже раненъ.



По мѣрѣ того, какъ, мы перебѣжками приближались къ желѣзной дорогѣ, огонь японцевъ усиливался все болѣе. Воспользовавшись группою китайскихъ могилъ, мы залегли. Это была наша послѣдняя стрѣлковая позиція. Отсюда мы открыли пачечный огонь по насыпи. Въ это время японцы стали бросать ручныя гранаты. Ни одна изъ нихъ, за дальностью не менѣе 100 шаговъ, до насъ не долетала и мы несли потери лишь отъ ружейнаго огня, но, видимо, японцы прибѣгли къ этому способу обороны лишь съ цѣлью подѣйствовать на насъ морально.



Въ это время ужъ сумерки сгущались съ каждою минутой все болѣе и болѣе. Мы, прекративъ огонь, бросились въ атаку. По мѣрѣ нашего приближенія стрѣлки японской цѣпи ускоренно скрывались за насыпью.

Очевидно было, что здѣсь они атаки не примуть.

Этотъ ихъ маневръ я не могу объяснить ничѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, что вообще, здѣсь были ихъ очень небольшія части и разсыпанныя цѣпи не имѣли крупныхъ поддержекъ.

Когда мы вбѣжали на насыпь, то увидѣли ихъ цѣпь, залегшую параллельно полотну желѣзной дороги за небольшою складкой прилегающей мѣстности.

Въ моментъ нашего появленія на насыпи, они засыпали ее градомъ пуль. Я былъ раненъ и потерялъ сознаніе.

Когда же я очнулся, то было уже совершенно темно и лишь небольшое зарево надъ Мукденомъ продолжало еще бороться съ окружающимъ мракомъ. До меня доносились стоны раненыхъ, но ни одного выстрѣла, или какого-либо передвиженія войскъ не было слышно. Очевидно, что дѣло закончилось, но каковъ его былъ результатъ, для меня оставалось неизвѣстнымъ. Я ощущалъ сильную боль въ раздробленной кости и ознобъ.

Изъ боязни попасть въ плѣнъ я все-таки попробовалъ ползти вдоль насыпи къ сѣверу, но вслѣдствіе обострившейся и мучительной боли, долженъ былъ отказаться отъ этого черепашняго передвиженія. Затѣмъ, вѣроятно, я снова впалъ въ забытѣе, потому что время до 11 часовъ вечера прошло для меня незамѣтно.

Благодаря нижнимъ чинамъ, видѣвшимъ, какъ я упалъ съ насыпи, я былъ спасенъ.

Они, продвигаясь впередъ, не знали убить я, или раненъ, но когда прорывъ состоялся, нѣсколько человекъ ихъ, пользуясь темнотою ночи, пришло за мной и другими ранеными, бывшими въ ближайшей полосѣ. Я главнымъ образомъ обязанъ своимъ спасеніемъ рядовому Василию Жукову <sup>1)</sup>).

Отъ него я узналъ, что прорывъ состоялся, но при громадныхъ потеряхъ. Прорвались лишь шт.-капит. Поплавскій и около 150 нижнихъ чиновъ. Изъ четырехъ раненыхъ офицеровъ нашли и вынесли только меня; участь другихъ была неизвѣстна.

<sup>1)</sup> Онъ награжденъ знакомъ отличія Военнаго Ордена 4-й ст. <sup>с</sup>

Что было со 2-мъ баталіономъ нашего полка въ этотъ день, я не знаю, но, будучи уже въ госпиталѣ, прочелъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи генералъ-адъютанта Куропаткина, отъ 27-го февраля, слѣдующее: «Изъ поступившихъ донесеній о потеряхъ въ частяхъ, обращаетъ на себя вниманіе Юрьевскій полкъ 25-й дивизіи, въ которомъ нынѣ находится въ строю 619 штыковъ при 2-хъ офицерахъ».

*В. Обухъ.*

